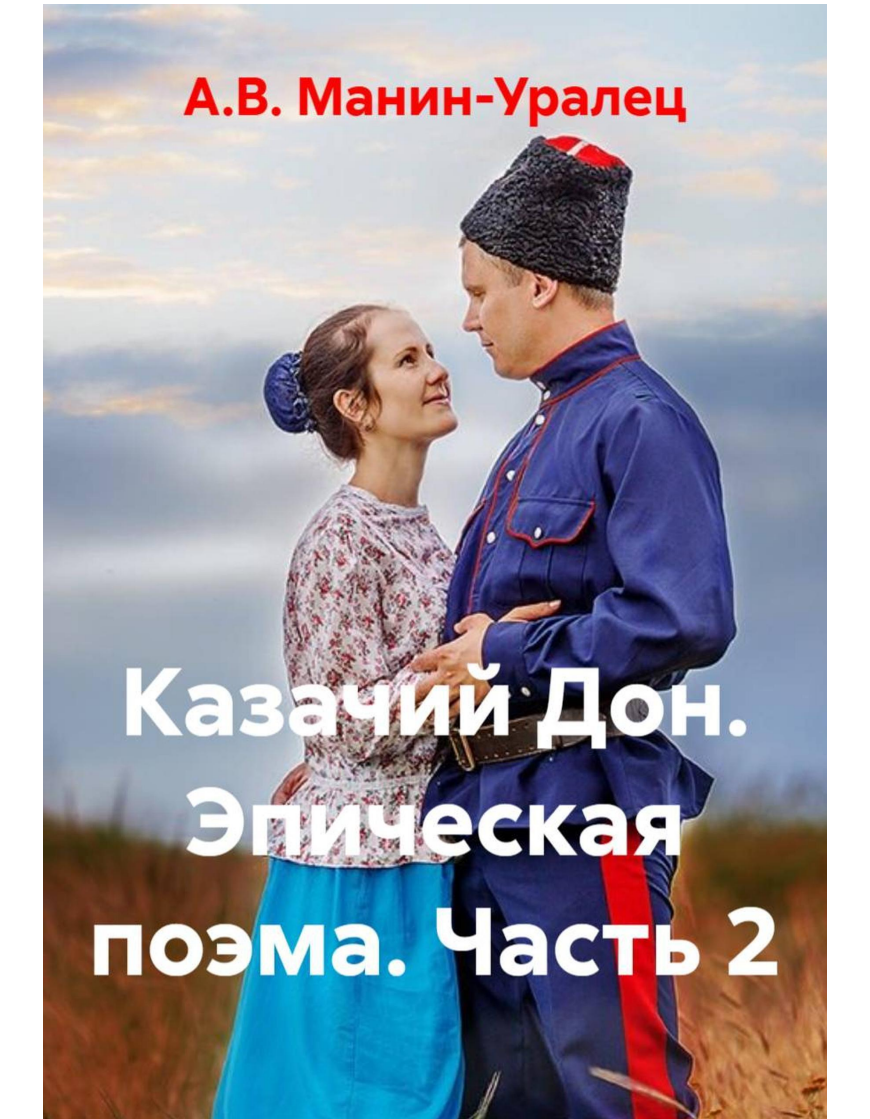

А.В. Манин-Уралец

**Казачий Дон.
Эпическая
поэма. Часть 2**

А.В. Манин-Уралец

Казачий Дон. Эпическая поэма. Часть 2

<https://litres.ru/73984873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Поэма «Казачий Дон» - это крупное стихотворное эпическое произведение, посвященное истории возникновения и развития казачества в России от начала времен до наших дней. Основной акцент сделан на истории казачества Верхнего Дона, крупной древней и современной казачьей цивилизации.

А.В. Манин-Уралец

Казачий Дон. Эпическая поэма. Часть 2

Часть 2.

LX

I

Взошла Российская держава.
В Рязанском княжестве пылал
Огонь казачьего пожара -
Донского войска ареал:

Здесь православие крепилось;
Текли раскольники рекой;
Дубам язычники молились...
Крепость Воронеж встала в строй.

И всюду слышится: «казаки» -
Казаки славные Москвы;
Мещерские готовы к драке;
Путивльские спешат послы.

И есть «ордынские» казаки,

И есть Азова казаки;
И аккерманские вояки;
Черкесцев вольные полки.

Защита крепостей, и битвы.
Но - и разбойничий удел;
Не могут без боев джигиты:
Их полн калчан каленых стрел.

«Воров черкесских» князь ссылает
Навеки на казачий Днепр.
Вся Малороссия «пылает»:
Центральным стал казачий нерв.

Сторожевые укрепления
Повсюду строят на Дону.
Стрельцов младое поколение
К казачьему пристало дну:

С городовыми казаками,
С охотниками всех мастей
И с вольными весельчаками,
Редуты глубже строя в степь.

В большие вольные дружины
Вступают Дона казаки,

Крепя военные общины –
Казачье войско вдоль реки.

Помимо разгульного царства,
Пришло служилое на Дон.
И здесь Речное государство
Развилось казаков, притом.

Орда распалась, «Диким полем»
Назвали все, где мёл монгол.
В освобожденное приволье
Вновь жуткий помысел вошел:

Делили «поле» литовчане,
Крымско-ногайский хан-«казак» -
Так называл себя кипчанин;
Вез мерщика степной рысак.

Но – поздно, тщетно, не прижился
Тевтонский дух, ордынский дух,
Там, где казачий всполох взвился
Где выбрано одно из двух:

Хранить иль нет оплот державы,
С походов Игоря. Олег
Державный с светлым Святославом -

Влились в казачий Божий свет.

И новый собиратель русской
Земли – Московской – царь Иван,
Дед Грозного, что из этрусков,
Отверг идею платить дань.

Европа ахнула: держава!
И московитов не сломить!
Но все же – жала, жала, жала:
В стремленье смутное творить.

Но в эту Смутную эпоху
Поляков вымели метлой;
Ордынцам вновь встrepали холку;
Вопрос решили и с Литвой.

Вопрос «служилых по прибору» -
В казачьи станы брать возник;
Стрельцы, затыньщики, драгуны,
И пушкарИ вплелись в ту нить.

Приказ стрелецкий создан сходу,
Платить деньгами и землей.
И в «четвертных правах» народу
Донскому стало веселей.

Теперь казак еще и пахарь,
И брошен образ кочевой.
Хоть жизнь пока еще не сахар,
Не гнут ордынской бичевой.

LXII

Казаки делились на сословистых,
На «служилых», вольных казаков.
Те, кто до сих пор не успокоились:
На коня и в поле – был таков!

С атаманом войсковым надежнее,
Есть в войсках и батька-есаул,
Есть и дьяк с подьячим – не рогожные.
Пояс казак слабил, в печку дул.

С войсковыми ушлыми старшинами,
В строй вставал походный атаман.
А в дали за степью камышиною
Грезился все Тихий океан.

И на войсковой круг все станичники
Собирались слушать казака.
«Отпуска донские» пограничники –
Брали в плату – хлеб да пороха.

И решалось ставками и кругами –
Уходить по Дону в ратный путь,
Караванный Дон мостился стругами –
И с пути донского не свернуть!..

LXIII

Встал Иван IV-й на престоле,
И лихой казак пошел в Казань:
Казаки с князьями в чистом поле,
И лихой боец с конем – улан.

С Верхнедонья, с рек Вязовки, Сосны,
И с Красивой Мечи казаки
Провожали - стражами - обозы
Вдоль по Дону, струями реки.

На верху рязанские казаки,
Снизу Приазовья казаки;
На реке Воронеже – Казанка,
Доброе, Рамонь – села близки.

И на всех судов большие верфи,
Струги и большие корабли.
И струился Дон центральным нервом
В Верходонье, будто мудрый Нил.

Ниже, в устьях рек Воронеж, Сосна –

Тихая, Битюг и Богучар
И Хопёр с Медведицею рослой,
Хотя пристань, словно, встала в яр.

Ты идешь по Дону, по теченью,
Или паруса раздув, вперед -
Не придашь великого значенья
Городкам : все скрыты, в свой черед.

«Дон пустует» - тихо восклицает –
Издали приехавший купец;
А потом, как все тут разузнает,
Восклицает: «Дон – ты молодец!»

Все Придонье до Красивой Мечи
В верхотурье – Дикие поля.
Но набег диких уже есть чем
Отражать в равнине ковыля!

Сторожей, станиц премного вышло
На простор донской, степной, речной.
Города росли на городищах,
И засеки встали тут стеной.

И пришли на Дон с Росии-царства
К вольным казакам послы Москвы:

Многое свершили государству,
И врагов мели: «Иду на вы!»

Арызман-казак – донской, привольный,
Айда с нами снова на казань!
Шли донские в бой, не хлебосольно
Привечал их мир Тмутаракан.

Но и сами вольные без спросу
Шли на Керч; Ливонской силе – бой.
Жаловался хан царю, доносы
На донских строчил шпион степной.

Но как быть дончанам, в самом деле,
Если турок все крепчал союз:
От Донца до Волги захотели
Земли - под намаз мечетных мурз.

Все вокруг Россию воевали,
И Казань, порой, чей брег высок.
Но опять в атаке арызмены –
«Орус» - «русский люд» - шел на восток.

И за то царь Грозный, страж надежный -
Грозный царь срединных всех веков,
Отдал казакам весь Дон безбрежный –

«До любых вокруг Дона берегов!»

Наконец, и грамота монарха
«Послужить Отчизне на века» -
Учредила Дон навеки Ставкой
Для его казачьего войска.

Отпрыски бояр теперь станичники,
«Сторожи, вожжи, да голове».
Впереди еще: «Сарынь-на-кичику!»
И Девлет Гирей зорит в Москве.

LXIV

Скоро ли ты кончишься, судьбинушка,
Когда ж смогут дети вольно жить,
Да не брать в дубравушках дубинушки –
Чтоб врага пришедшего отшить?!

Долго ли в бесчинствах разорителям
Шастать по святым Руси местам?!
В Диком поле сделаем обители
Будь и впредь вся сеть засек густа!

И на городищах, где возвышенно,
На большие во поле версты
Встал редут с чакановыми крышами
Белгородской засечной черты.

На горах Чижевских крепость сладили,
И Воронеж встал на крепость тут;
С воеводой головным посадами
Постепенно обнесли редут.

Здесь Ермак родился Тимофеевич,
Корни Разина с Воронежа идут?
Верхнедонье славно - не копеечно.
И Подонье славно этим тут.

Вскоре хитрость подданных Варшавии
Завладела крепостью – подстать,
Казаки-черкасы из Каневии
Помогли постылой силе взять.

Но внизу рождалось Войско Донское -
Присягнуло батюшке-царю.
Вскоре и сословие Придонское
Закрепилось в вольном том краю.

«Козаци» шли сверху в войско крепкое.
Всех принял, кто прибыл, Тихий дон;
В экспедиции казачьей казак меткою
Был помечен: и со всех сторон.

«Христианин воинского чину» впредь
В верхнем Поворонежском краю,
С клятвой в войске - «чинно умереть» -
Службу нес нелегкую свою.

Как на Среднем, так же и на Северном
Охраняли землю и покой.
В седлах по степи шли и по берегу,
И не жгли поджежки никакой.

Там, где полдневали, черны вороны
Вражеской придонской стороны
Могли следом рыскнуть в ту же сторону,
Замереть за складкой бороны.

Надо было сил копить поболее,
Живу быть, растить и казачков, -
Ожидали битвы их не в поле уж, -
Штурмовать крепь каменных подков:

Взятие Азова, с покорением
Дальних посибирских золотых руд.
Все это ждало их в отдалении,
И Кавказской линии редут –

Гордость казаков. Хотя «ордынскими»,

«Воровскими» звались казаки,
Те, кто как лавины шли стромынские —
Грابتь; не сходило все с руки.

И с десятков изловили к ряду их:
Так «Отписок Приказной избы»
И «Столб Белгородского разряда»
Донесли из той далекой мглы.

А в народных «устных донесениях»,
В песнях и частушках на Дону
Много всяких сказов повесениных,
Как любил казак свою жену;

Да как ревновал всегда походами.
Что ж: жена ведь тоже человек.
И тут почти нет между народами
Разницы: всегда один ответ!

LXV

Сосед свою лупцует бабу,
И баба бросилась к окну:
Глядят, играют люди свадьбу.
Все проворонишь! Ну и ну!

Идет к венцу невеста сладка,
Фата на ней, как млечный путь,

Шуршат чадунюшки украдкой,
Друг другу тычут в мягку грудь:

«Гляди, чадунюшка, в окно-то,
Вот уж потеха – сор в избе,
Его в окошко сунул кто-то,
У кого каша в голове!»

Смеются девки и товарки,
Отвлечь и зависть и позор:
Что взор невесты слишком жаркий,
А их притушен яркий взор.

Невеста, как свеча горела -
Бела вся таяла свеча:
Еще не знала его тела,
А уже - свечка горяча.

Да, на Дону, сердца горячи,
И зависть к Дону у чужих,
Здесь в мире лучшие казачки.
И кочетом шагал жених.

Все, увидал казак свой финиш:
Коротка баловня стезя.
С бесстыжих плеч зипун не скинешь

Любви сторонней: все, нельзя!

Бери быков: «Цоб! Цоб!...» и в поле,
И глубже плуг, родит земля.
Среди степи белеет взгорье,
Витает память в ковылях.

Жених в окошко мельком глянул,
Жених вздохнул по бабе той,
А муж от взгляда не отпрянул,
На жениха с невестой злой.

Им, что, своей не хватит доли?
Зачем семью его зорить?
Окно закрыли эти двое,
И-ну судьбу свою корить.

«Ну, будет, хватит, набодались,
Пушай он первая любовь,
Хоть хорошо – лишь целовались,
А то бы испоганил в кровь!..

Давай-ка, собирайся к людям,
Станица вся, как улей, здесь,
С кострицы счистили, и будет,
С любовью в ней один помес:

Что конопля, что баба в думах,
Одно мутится в голове,
И сгондоби подарок куму,
Давно не звал его к себе!

А кони ряженные скачут,
А долог колокольный звон,
Невеста радости не прячет,
И жених тоже: счастлив он.

Окно закрыто и забыто,
И все ушло в белым-бело,
Там, где в степи в сердцах разбитых
Что было прежде - отцвело.

Да и не даст судьба казачья
Все время печься о себе;
И казаку нельзя иначе —
Не может долго не в седле.

LXVI

Стал казак послушен по приказу,
И приказ царя он чтит. Но все ж,
Ни один казак Подонья - и ни разу -
Не отверг свободы своей рождь!

Он в душе всегда свободный пленник:
Надоба Россию защищать.
В мирный год - права: даже от лени
Бросить службу, в поле отбывать.

Но в своей огромной сильной массе
Стал «городовым» - служить – казак,
В крепости Воронеж Биркин Вася
Первый голова – был избран так:
LXVII

Круг сказал: «Василий, любо!»
Совершил тот ритуал;
И казачью клятву кругу –
Что в триаде, - повторял.

Казакom нужно родиться.
Нужно казакom и стать,
Нужно быть им, чтоб явиться
В царствии, где Бог и Мать.

Повторял казак триаду
Испокон, и клялся тем:
Кыли сполню - жизнь за раду
Забери мою совсем!

Казаки и с Украины,

По окраинцам, ледком;
Пробирались и по льдинам,
И пешочком, и верхом.

Дон всех принимал казаков,
Беглых, бедных принимал.
Всех, кто знал триаду, - братом
Здесь казак с казаком стал.

Прямо с детства путь подростка
Шел с мечом и булавой,
С длинной пикой; хоть не просто
С битой шастать головой.

И пахали здесь и жали,
Но при этом казаки
Крепко в памяти скрижали
Те держали – шли в полки.

Уходя, сынам внушали:
Честь казацкую держи,
И храни свой дом вначале,
И затем что у межи!

Ну, а третье, - будет жинка,
Нарожайте казаков!

А пока, мой родный сына,
Ты накуй коням подков!..

Казакom нужно родиться.
Нужно казакom и стать,
Нужно быть им, чтоб явиться
В царствии, где Бог и Мать.

Повторял казак триаду
Испокон, и клялся тем:
Кыли сполню - жизнь за раду
Забери мою совсем!..

LXVIII

Казаки стояли в караулах,
И по стенам крепости несли
Свою службу, направляя дула -
Где волной ходили ковыли.

Выходили сотники дворянства,
И пятидесятники вослед,
А потом десятники, «мещанство».
Появились здесь следы карет.

И земля делилась на служивых,
С разницей большой, зато на всех.
На Борщевском стане сотник лживо

Лишку вдруг стемлянил, для утех.

И был осужден судом казачьим,
В рядовые сослан был служить,
В скромной «десятинке» жизнь иначе.
Здесь с казачьей честью брось шутить!

И стрельцы все больше слободами
Стали жить, в казачество входя.
И все жили новыми мечтами.
И никто не ведал, что гвоздят

Вновь - на картах - земли все России,
Смуту гонят с западных земель:
Вдруг царем вора провозгласили.
Ну, а вор идти в Москву посмел...

LXIX

Семь царей, семнадцать самозванцев
От Бориса Годунова до Петра...
Поддержал Воронеж лжеизбранца –
Но в ту пору выпало: пора.

Казачьих повинностью гнобили:
С «десятиной пашни» хлеб сдавать.
С Гришкою Отрепьевым ходили
Казачьи – свободу отстаивать.

Из холопей был казак Заруцкий –
Начал земли Дона раздавать;
Казакам он жаловал в заслуги
Города. Ну, как не поддержать?!

Шуйский слал в Воронеж – поумерить
Эти аппетиты казаков
Двух переговорщиков. Но верить
Шуйскому никто не был готов.

И послали голову Хрущева –
Атамана крепости, просить:
Не идти походом до Азова,
Головы свои постудить.

И П-й Лжедмитрий, что Заруцкий,
В Русский Лог вошел, попал в капкан,
Был разбит. Стяг выше поднят русский.
Славен стал инакий атаман.

Князь Пожарский, Минин с гласом в станы:
«Ожерелье Каменное - в строй!»
Звали так Бориса-атамана,
Стал он у Москвы большой герой.

И за то в Воронежском уезде
Земли получил, стал головой
Казакам с стрельцами, и на съезде
Подтвержден героем был молвой.

Огнестрелы – новое оружие
«Ожерелье» роздал казакам,
И теперь Воронежа окружем, -
Кто хотел прорваться здесь, - скакал.

Новый воевода Борятинский
И подъяк Киреевский взялись
Дать в «Дозорной книге» хоть и склизкий,
Славный Верхнедонья парадиз.

Семь слобод указаны, и в оных
Жили, в основном, лишь казаки,
В основном, - геройством освященных:
Им и земли жаловать с руки!

Слобода Бельместных, дворов сотня,
Полковых слободка казаков;
Здесь дворов под триста озаботил
Голова - добро на то дал сход.

Между Белокаменной, Пушкинской –

Выросла Ямская слобода.
И везли ямские приказ царский –
Послужить России, как всегда.

Укрепить четыре атаманства -
Черновицкий и Борщевский стан,
Тут же Карачунский и Усманский, -
Христианский поддержать устав:
LXX

В этом же Воронежском уезде
Строить церкви и монастыри,
Первыми Покровский, затем Женский,
Где б от мира крыли пустыри;

Дивногорский монастырь с Борщевским,
А всего не меньше десяти –
«На степех и в дебрех». От пришествий
Вражеских молились «на крести».

Тосковали по погибшим братьям,
По умершим от тоски родным;
Надевали траурные платья
Те, кто шел в пещеры, в вечный дым.

Их четыре на десять сложилось –
Да три на десять еще церквей;

А в самом Воронеже явилось
Семь церквей меж двух монастырей.

Было здесь шесть тысяч населенья.
В Кобяковском городище крест –
Каменный, большой - пудов не тыща,
Но слух долго шел о нем окрест:

Был Святым доставлен он Андреем,
Тыщу лет назад, когда Христос
Осветить ему позволил древний
Подонской епархии прирост.

И не дал Святой тот крест полякам,
И литовцам с ними, крепость взять.
Тысяч пять стояло здесь. Поплакать
Всем пришлось из этих тысяч пять.

Луки, пушки, бревна и пищали,
Огненна смола на стан врагов
Пролились. Поляки побежали,
И литовец следом - будь таков.

Но их била в тыл, несясь, дружина,
На «осадном сиденье» устав.
В честь победы церковь заложила

Новый, Алексеевский, устав –

Монастырь, а следом и Покровский –

Где бы жены, дочери могли,

Пережив набег польско-литовский,

Всех оплакать, кто лег в ковыли.

LXXI

Не угомонилась, видно, Польша.

И решили выстроить полки -

В сотен шесть, а, может быть, и больше -

На Земском соборе казаки.

Все здесь, атаманы, есаулы,

Из поместий разных казаки:

Боровое, Усмань развернулись,

Ступино, затем Излегощи...

С сторожей воронежских, где в устье

На реке Воронеж Червлен-Яр,

С Таврово и Малышево – в устье

Девицы, где верил мал и стар;

И с Оскольской придонской дороги,

С луга Торопливого, стеной,

С Русского, казачьей славы, рога,

С Кривоборья, где Битюг с Хавой -

Казаки явили силу Божью –
Что стояла всюду за народ.
И кто правду здесь приправил ложью,
Тот искал заранее и брод.

Воевода чуть здесь не заушен,
Что людей, порою, обижал.
Был отправлен с жалобой Кривушин
До Москвы; привез затем «скрижаль»:

Дескать, воеводу царь - на плаху
(Всякой отсебятины приврав),
Так что, воевода тот со страху
На три дня сбежал: что был не прав.

Пропадал в стенах он монастырских...
Впрочем, этот сказ не про него.
Главное, казачий род настырно
Строил замки счастья своего.

Слободы Подгорна, Семилуки,
Девица, Подклетная еще...
«Воровских черкас» виднелись луки
С Речи Посполитой. На Борщевск

Налетело лютое отродье:
И сквозь уйму Марковских лесов
К костомарским стенам вышли с кровью
И на монастырь спустили псов...

Но не даром небо окрещенно
В Верховдонье, всюду на Руси.
Монастырских таинств освященных
Враг вовек так и не раскусил.

И с крестом шли казаки в атаки,
«За святую Русь! За дон! На вар!...»
И в вару том были в гуще драки.
И померк в той драке вар татар.

Брали казаки Азова стены,
А потом тевтонцев орден вновь —
Сеял смерть тот огненной геенной,
Но свою пролил бесовску кровь.

А затем в низовье Дона сверху
Казаки Воронежа пошли, -
Чтоб идти на Крым: не на потеху,
Чтобы боли в сердце отошли!..

Неудачный был поход казачий.

Проливала слезы и земля.
Но казак всегда давал и сдачу:
И стонали польские поля...

И в отместку всем потерям в битвах
Все ж казак любил, хоть без руки.
Казаки крепки в своих молитвах,
И любимы Богом казаки.

LXXII

Фуражка с околышком твердым над бровью.
Казак у крыльца с юной девой шутил,
Ушел он за Дон и пролил своей крови
Настолько, что выжил, но без руки жил.

Рукою он гладит за плечи казачку,
Она ему верной все время была,
Душа золотая, но в ней криком плачет
Вся юность ее, что объятий ждала.

Она улыбается, слезы глотает,
Он все понимает: разнятся пути,
Но тот, кто в казацкой любви понимает,
Тот знает: от первой любви не уйти.

Но все же, он держит себя хулиганом,
Ее веселит, будто в обе руки.

А ночью он выпьет стакан закурганной,
Где вдов и забытых возьмет у реки.

Какие уж тут переглядки и мерки,
Руки нет, какой же ты в жизни казак?
Казак погуляет с соседкой-жалмеркой,
И нет больше шляха вернуться назад.

Стоят у плетней и судачат казачки,
Все знают они про его маяту,
Был бравый он парубок, многое значил,
Но он без руки, и несчастный он тут.

Ну, думай, молодка, погубишь ли просто,
А, может, решишься отдать себя в плен -
Иди и стели целомудренно простынь,
Но утром не встанешь уж с этих колен.

Ой, мать моя милая, что же ей делать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.